

Тепло старинной дружбы

**(Слово о поэте и зодчем Чингизе Бекташе
и любимой Турции)**

как можешь жить
коль некому смотреть
вослед тебе

Чингиз Бекташ

Впервые я побывал в Турции ровно тридцать один год тому назад, в июне 1979 года, по приглашению Азиза Несина, и тогда же в Стамбуле познакомился с Чингизом Бекташем, и вскоре, за пару дней это знакомство переросло в дружбу, длящуюся поныне. Добавлю и то, что речь идет не просто об отрезке времени в тридцать один год (хотя этот срок сам по себе говорит о многом!), этот 31 год охватывает разные эпохи, географию, идеологии, и сейчас, когда пишу эти строки, я думаю, что неисповедимо, как общественно-политическое содержание упомянутого отрезка времени оказалось втиснутым в столь узкий исторический хронометраж...

В ту пору Азиз Несин был председателем Синдиката Турецких Писателей, а я уже четвертый год работал секретарем Союза Писателей Азербайджана, и поездка в Турцию, побывка в Стамбуле даже для меня, уже успевшего побывать во многих зарубежных, не только «соц», но и «капстранах», молодого литератора, имевшего определенный вес в литературе и, вообще, в обществе, - было сказочно-утопическим событием.

Впервые с Азизом Несином я увиделся и познакомился в Баку. Тогда в Баку проводилась конференция писателей стран Азии и Африки, и Азиз Несин, имевший теплые отношения с советскими коллегами, конкретно с СП СССР, участвовал на конференции, а у меня была пора аспирантства.

Помнится, мы из Института Литературы имени Низами – Мамед-Джафар муаллим, Азиз Мирахмедов, Яшар Гараев, Шамиль Салманов, Гюльрух Алибейли, Ариф Сафиев, Интигам Касумзаде (тоже аспирант и мой университетский сокурсник) – направились в филармонию, где проходил форум. Меня, признаться, больше интересовало не выслушивание дежурных речей и разговоров, а знакомство и общение с гостями, и прежде всего, конечно, с Азизом Несином.

Ильяс Эфендиев высоко оценивал творчество Азиза Несина, особенно, его драматургию, и в один из дней конференции пригласил турецкого

коллегу к нам в гости. Моя бабушка по отцу Бильгеис ханум, любившая Турцию и хорошо знакомая с турецкой литературой («Певчая птица» Решада Нури, изданная на арабском алфавите, была в ряду ее настольных книг), в честь именитого и желанного гостя приготовила грандиозный карабахский плов с цыпленком. Поньше, по прошествии стольких лет, подробности этого застолья, с участием друзей моего отца – Солтана Гаджибекова, Тофика Кязимова, профессора Амира Габибзаде, Мамед-Джафар муаллима, возглавлявшего отдел теории литературы в нашем Институте имени Низами, живших по соседству Зейнала Халила, Бахтияра Вагабзаде и Алиаги Кюрчайлы, - у меня перед глазами; и впоследствии, при всех моих неоднократных встречах с Азизом Несином, воспоминание или упоминание о нем в разговорах неизменно воскрешает картину того вечернего застолья у нас дома, сочные-колоритные высказывания, пронизательные суждения, искрометный юмор Азиза Несина, с интеллектуальной масштабностью его личности, ставшего душой того меджлиса.

- В Азербайджане по-много и по-много пьют, - говорил он, но в тот вечер он и сам, за компанию, осушал рюмки до дна...

К слову, во время первой моей поездки в Турцию мне передали остроумный ответ Азиза Несина, прозвучавший на пресс-конференции после его визита в Советский Союз.

Корреспондент спросил у Азиза Несина:

- Эфендим, что вы больше всего видели в Азербайджане?

- Больше всего – потолки...

То есть, пили до дна, запрокидывая голову...

Помнится, Ильяс Эфендиев от души смеялся, когда я рассказывал ему это.

Но, похоже, воспоминания влекут меня в иную сторону...

В один прекрасный весенний день мне из Москвы позвонила консультант Союза писателей СССР по Турции Вера Феорова, внесшая исключительный – в контексте 70-80-х годов – вклад в развитие турецко-советских, конкретно, турецко-азербайджанских литературных связей и перевод современной турецкой прозы на русский язык.

- Азиз Несин пригласил тебя и Музу в Турцию!

Муза Павлова – прекрасная русская поэтесса, одна из основных переводчиков Назыма Хикмета на русский язык.

Но приглашение в Турцию было еще полдела, главное – получить «добро» в инстанциях... Наконец, благодаря усилиям тогдашнего первого секретаря нашего писательского союза, незабвенного Имрана Касумова, секретаря СП СССР, известного критика Виталия Озерова, при содействии председателя Инокомиссии СП СССР Александра Косорукова («Сан-Саныча», как мы говорили), и консультанта по азербайджанской литературе в Союзе писателей СССР Азера Мустафазаде, эта поездка сбылась.

Муза Павлова была близкой подругой с супругой Виталия Озерова Мэри Лазаревной (очень интеллигентной, мудрой женщиной, ведавшей отделом прозы в журнале «Юность»), и у меня, как автора этого журнала,

сложились с ней очень теплые отношения); и вот опять же в один прекрасный день Муза звонит мне из Москвы:

- Эльчин, едем в Турцию!

Это была первая поездка в Турцию и для нее. Наверно, читателю будет интересно и то, что Муза являлась бывшей женой известного азербайджанского тюрколога Акпера Бабаева, друга и исследователя творчества Назыма Хикмета, и Акпер, посвятивший всю жизнь тюркологии, до конца дней так и не смог побывать в Турции, в отличие от Музы.

12 июня 1979 года вылетевший из Москвы в Стамбул «ТУ-155» совершил посадку на обетованной для нас турецкой земле.

Этот же день – дата нашего первого знакомства и начало нашей дружбы с Чингизом Бекташем.

Он прибыл в аэропорт, чтобы встретить нас, вместе с тогдашним вторым председателем Синдиката писателей Демиртаджем Джейхунум (к прискорбию, и он ушел из жизни – в августе 2009 года), видными прозаиками Бекиром Йылдызом и Томирис Уйар, поэтом Айдыном Хатибоглу и кинопродюсером Арифом Кесгинером.

Чингиз Бекташ ныне выдающийся архитектор, поэт и искусствовед, современной Турции, но и тогда, в 79-м году, он был уже признанной творческой личностью, издал солидную, насыщенную фактологическим материалом монографию о зодчем Синане, его поэзия пользовалась популярностью, особенно, среди молодых интеллектуалов; его стихи высоко ценил живой классик турецкой поэзии Фазиль Хюсюн Дагларджа; как архитектор, он тогда в одной только Германии вышел победителем на четырех больших конкурсах и удостоился премии; историю зодчества Турции он знал досконально, а главное – ревностно любил.

Первым, кто повел меня в знаменитую Айя-Софию, был Чингиз, и он со столь глубокой осведомленностью и любовью поведал об истории этого достославного памятника цивилизации, особенностях его архитектуры, как если бы он знал каждый камень, каждую деталь мозаики этого храма; и я с изумлением, завороженностью думал, что так оно и есть...

Выше я отметил, что Чингиз-зодчий, искусствовед, но для меня лично он, прежде всего, один из выдающихся поэтов-постмодернистов современности, из тех уникальных художников, чья личность и творчество составляют очень органичное гармоничное двуединство: сколь он утончен, чуток и мудр как личность, столь же акварельно-изящно его творчество, далекое от лобового, голого мыслиезъявления, прямолинейного высказывания художественного слова...

склонивший голову подсолнух
уцепился
за ворот
закатного солнца

вдоль дороги
листва

усталая от пыли
пригоршня воды
одетая в траур

вспаханное поле
хочет рожать

Это стихотворение из книги Чингиза «Dün bugün», изданной в 2006 году, которую он подарил мне. Эти стихи (как и многие другие его стихи) побуждены тоской: вечная тоска подсолнуха по солнцу, тоска придорожной запыленной листвы по ветру, тоска застоявшейся, потемневшей воды по животворящему прикосновению к земле, тоска земли по родам – урожаю...

В то же время, в сердцевине, в зерне этого стихотворения сквозит надежда: эта земля родит, этот освежающий ветер повеет, и даже упомянутое солнце впредь никогда не закатится, и будет источать свет, и не станет томить подсолнух ожиданием; потому, наверно, стихотворение названо «Надеждой».

Возможно, кто-то усмотрит в этих строках влияние японских хокку, танка, но для меня эти строки, по сущности, постмодернистские, то есть, плод художественного мышления, опирающегося на мир перманентных чувствований, не имеющих ни начала, ни конца, выражение самоприсущего, совершенно индивидуального мировидения, жизневосприятия художника посредством эмоций.

Обратите внимание:

я липовое дерево
в Бурсе
у реки

все что на сердце у меня
рассказываю
встречным-поперечным

Внутреннее состояние, порывы этого одушевленного приречного дерева могут уловить и услышать не художники вообще, а только один, в данном случае Чингиз Бекташ... То есть, если речь идет о подлинном искусстве, то у творца такого искусства есть своя конкретная подпись, почерк, ибо каждое творение искусства – создание, порожденное неповторимым переживанием, размышлением, которые никак не дано пережить и выразить каким-либо другим индивидам (художником; и произойди такое, - это было бы, в лучшем случае, эпигонством).

Чингиз оригинален, но не ради оригинальничания; его оригинальность – не плод сознательных, расчетливых поисков, движимых стремлением к непохожести и эпатажу, это – художественно-эстетический показатель естественного процесса, составная часть, атрибут поэтического таланта Чингиза Бекташа, и поэтому его поэтические тексты способны покорить

читателя семантическим богатством, и это качество, по-моему, один из основных, а быть может, главнейший фактор, привносящий в эстетическое содержание его поэзии постмодернистскую суть. И именно поэтому постмодернизм в его творчестве не замкнут абсолютными эстетическими границами, далек от эстетической догмы, и здесь можно почувствовать легкие резонансные волны, идущие из поэтики Назыма Хикмета, Орхана Вели, Дагларджи.

В поэзии Чингиза Бекташа ощущается некая удивительная усталость: это усталость духа, утомленного думами, философскими исканиями, связанными со смыслом жизни, с тайной бытия, и подобная духовная утомленность привносит в диапазон его поэтического самовыражения философско-эстетическую широту, придает его строкам эстетическую основательность, постмодернистскую весомость, порой уходя в глубокие пласты, а порой выплескиваясь наружу, и Чингиз взывает к своему усталому духу:

поди
отдохни немного

Но как? Как может «отдохнуть усталость». Это не усталость листьев придорожных деревьев, изведшихся от пыли, что снять ее дуновением ветра...

А вот как:

вспомни детство свое
вслушайся в плеск воды
и прислонись спиной
к старому тополю

Здесь примечательно то, что преодоление усталости видится в контрастном двуединстве двух разнополярных понятий – детства и старости, и я полагаю, что поэтико-философский парадокс порождается упомянутым постмодернистским началом творчества Чингиза Бекташа, такое единство противоположностей (!) – в постмодернистской ауре, то есть оно создает графическую картину, где кривая не разнится от прямой...

Еще одна из интересных особенностей поэзии Чингиза Бекташа в том, что здесь сложность и простота идут бок о бок, как близнецы.

есть ли брат у тебя
Али
был
есть ли мать
была
есть ли отец
был

Или:

самое пущее одиночество
одиночество закатного солнца

Кажется, Чингиз простейшими штрихами создает портрет печали, грусти, безысходности.

Но есть у этой поэзии и суровость, неуступчивость, и даже упрямая строптивость, и эстетическая суть художественного слова, поэтики Чингиза в том, что эти суровость, крутость и строптивость передаются в акварельных тонах, здесь нет грубости, надрывности, и суровость смягчается изяществом, неуступчивостью, нежностью:

солнце пусть восходит
пусть заходит
но фиолетовый лик моря
от окна моего не уходит

Наконец, отмечу еще одно обстоятельство: я сказал об удивительной усталости духа, присущей поэзии Чингиза, но это не усталость таланта, и в этом смысле Чингиз – счастливый художник, его талант всегда нов, молод, динамичен, синдром «шагреновой кожи» очень далек его дарованию. Как читатель Чингиза с давних пор, могу сказать, что он из тех редких поэтов, художников, на чей талант не могут повлиять годы, календарный возраст, и насколько интересным и любимым-желанным поэтом был для меня Чингиз Бекташ тридцатилетней давности, с тем же интересом и чаяньем я и сегодня читаю и почитаю его.

Эти заметки я начал с первого путешествия в Турцию, и тем же странствием хочу завершить их.

На исходе той поездки Чингиз подарил мне собственноручный графический рисунок – один из стамбульских кварталов – с таким автографом: «Эльчин, мы очень полюбили тебя. Чингиз Бекташ. 23.6.1979».

Эта любовь всегда была взаимной.

Эта любовь – к Турции, к турецкому народу, и живущим в этой стране друзьям, и в их ряду, естественно, к Чингизу Бекташу и его искусству за минувшие тридцать с лишним лет всегда была со мной.

По возвращении из Турции я написал книгу «Турция близкая, далекая» (журнал «Азербайджан», 1980, № 6), - во времена, когда дамоклов меч КПСС и КГБ полностью довлел над страной. Я и сегодня с чувством спокойной совести могу подписаться под каждой ее фразой и потому представляю ее читающей публике независимого Азербайджана (в частности, включил ее в шестой том последнего издания своих «Избранных произведений»).

Фрагменты из тех путевых заметок я опубликовал в Москве, в тогда особенно авторитетной «Литературной газете» под названием «Нарциссы из Турции» (15 апреля 1981). Кстати, напомню, что после публикации в «Литгазете» в ее редакцию, в СП СССР, ЦК КПСС, КГБ поступил ворох протестующих телеграмм и писем из Армении, и этот «эпистолярно-телеграфный» поток был переправлен на рассмотрение в ЦК КП

Азербайджана. Гасан Гасанов (нынешний наш посол в Венгрии), тогда – секретарь республиканского ЦК по идеологической работе, конфиденциально сообщил мне, что по личному указанию Гейдара Алиева все протесты были списаны в архив.

В тот же период, выступая на съезде писателей Армении поэтесса Сильва Капутикян (впоследствии одна из вдохновителей и инициаторов карабахской вакханалии, любезно принятая Михаилом Горбачевым), заявила: «Советский писатель Эльчин привозит нарциссы из Турции – страны, являющейся членом НАТО, нацелившей ракеты на СССР».

Уроженец Зангезура, кстати, хорошо владевшей азербайджанским языком писатель Серо Ханзадян (во время наших встреч с ним в Москве, а однажды в Ереване, он на азербайджанском языке шептал мне на ухо: «Ара, это они, которые сидят в Кремле, делают все, чтобы мы враждовали!...») вторя Сильве Капутикян, добавил, что «ракеты НАТО нацелены на Ереван, Матенадаран...». Подхватили эти инсинуации поэт Рачия Ованесян и другие служители муз. На съезде писателей в Ереване как представитель Азербайджана участвовал наш видный литератор Сиявуш Мамедзаде и, взяв слово, дал веский ответ «капелле» Капутикян: «Что касается нарциссов, упомянутых с этой ответственной трибуны... то чем больше цветов добра мы посеём в сердцах людей, тем меньше будет угрожающе нацеленных на нас ракет...».

Об этом поведал мне сам Сиявуш по возвращении в Баку...

Считаю своим долгом особо отметить и то, что аксакал азербайджанской науки, академик Гамид Араслы написал о «Турции, близкой и далекой» статью с тем же названием и опубликовал в считавшейся главной официальной газете республики – в «Коммунисте» (13 марта 1981 года), и эта статья сыграла роль эффективной брони, оградившей мою книгу о Турции от нападок как изнутри нашей среды, так и извне.

31 год для истории, конечно, срок невеликий, но в измерении человеческой жизни и дружбы – достаточно солидное время.

Недавно классик турецкой литературы и один из патриархов мирового художественного слова Яшар Кемаль прислал мне новое четырехтомное издание знаменитого романа «Индже Мемет» с автографом: «Старинному другу моему Эльчину и Нушабе ханум с уважением и любовью. Яшар Кемаль».

Эпитет «старинный» в этой надписи, для меня и, думаю, не только для меня, - несет в себе очень ценную и теплую ауру.

И я несколько не сомневаюсь, что такая «старинность» личной дружбы в той же мере дорога и Чингизу Бекташу, и любовь Чингиза Бекташа к Азербайджану и азербайджанским друзьям, читателям также всегда согревает его сердце.

ЭЛЬЧИН Народный писатель

Мелодии неувядающие, немеркнущие

Вспоминая Гюлару Алиеву

Когда мне было предложено написать воспоминания для готовящейся к изданию книги, посвященной незабвенной подвижнице нашей музыкальной культуры Гюларе Алиевой, перед взором моим перво-наперво возникло кроткое личико Нурки (так мы звали младшую дочурку Гюлары Алиевой Нуриду), - она с моей старшей дочерью Гюнай проучились вместе, с первого по одиннадцатый класс в музыкальной школе имени Бюль-Бюля. И я хорошо помню эту милую умничку в ее детские, подростковые и юные годы. Хорошо помнится и то, с какой любовью и заботливостью Гюлара ханум пеклась о своих дочерях; стоило Нурке вернуться с занятий домой минут на десять позднее, как тревожно звонила к нам:

- Гюнай пришла? – Услышав, что и наша дочь еще не вернулась, поуспокаивалась: «ну, стало быть, подружки вместе». Но через пять минут, глядишь, опять звонок с тем же вопросом.

Как-то, помнится, девочки припозднились надолго – махнули в кино.

- Гюнай пришла? – звонок Гюлары ханум. Погодя – опять: - ...но ведь прошло уже больше двух часов... Не приведи Аллах, думаю, не случилось ли чего...

После узнаю, что Гюлара ханум, так и не сумев усидеть дома, направилась по следам «киношниц» в кинотеатр имени Низами и выяснилось, что фильм-то двухсерийный...

В отношении Гюлары ханум к искусству была такая же трепетная, истовая любовь, и эта истовая самоотдача была органичной частью ее таланта; и потому музыкальное творчество Гюлары Алиевой, деятельность созданного и возглавлявшегося ею до конца своей жизни (увы, омраченной роковым недугом) ансамбля «Дан улдузу» («Утренняя звезда»), - одна из очень впечатляющих страниц азербайджанской национальной эстрады, в ряду художественно-эстетических достижений нашего музыкального исполнительства.

Хочу добавить и то, что роковой жребий (да, страшный и безжалостный рок, - в данном случае не опасаясь чрезмерной патетики этого слова) не позволил Гюларе Алиевой в полной мере реализовать свой уникальный талант.

Иногда после занятий Нурка с Гюнай захаживала к нам, случалось, под вечер и Гюлара ханум за дочерью своей заглянет; общительная, душевная, не обойдется без доброй беседы, а порой, бывало, за фортепиано пройдет и усладит нас своей игрой.

Я очень сожалею, что невдогад было записать на ленту ее тогдашние экзерсисы, импровизации на темы народных песен, ибо каждый раз, озвученные ею, эти прекрасные мелодии, проникающие в душу, пробуждающие и ласкающие генетическую память, выглядели ново, свежо, и она не повторяла себя, высвечивая все новые и новые нюансы в каждом ладе.

Она была натурой очень эмоциональной, и, садясь за фортепиано, словно погружалась в совершенно иной мир, далекий от земных невзгод и суетных зол, - она жила и дышала всецело мелодиями, струившимися из-под ее точных пальцев...

И миру тех мелодий были совершенно чужды мирские непотребства, лики зла, - они забывались под магией мелодий, но, увы, оставались живучими на этой юдоли скорбей...

Гюлара ханум была родной сестрой спутницы жизни Гейдара Алиева академика Зарифы Алиевой; и когда Гейдар Алиев был отдален от Политбюро, и немало людей из тех, кто вчера считал себя осчастливленным, удостоившись благосклонного взора, малейшего знака его внимания, и гордился этим, расточал славословия, но предал его, когда началась антиалиевская кампания, - Гюлара ханум, естественно, в числе других стала свидетелем этого удручающего вероломства...

Ей было присуще очень сильное чувство юмора; потому даже самое неприятное происшествие она умела преподнести с самоприсущей иронией, улавливая забавные стороны; и об одном таком эпизоде, относящемся к исходу восьмидесятых годов, мы услышали в ироническом пересказе Гюлары ханум.

Один из наших известных поэтов (ныне отошедший в мир иной, потому не стану называть его имени) – прилюдно выражал восхищение искусством Гюлары Алиевой, ансамблем «Дан улдузу», поздравлял ее и коллектив во все праздничные дни, повсеместно расточал дифирамбы Гюларе ханум... И при случае, как бы в возмещение за свое «усердие» просил у Гюлары ханум замолвить словечко за него перед Гейдаром Алиевым, а зарился он, ни много, ни мало, на пост председателя Верховного Совета республики...

Гюлара ханум, рассказывая об этой немыслимой претензии, заливалась смехом:

- Да кто же посмел бы сказать Гейдару Алиеву подобное слово?!

Когда после 1987 года подули другие ветры, и началась кампания против Гейдара Алиева, сей служитель муз стал другим человеком.

- Завидев меня издали, убегает! – И об этом Гюлара ханум сообщала с таким заразительным смехом, что становилось даже жаль того несчастного стихотворца.

И такие превратности бытия ничуть не повергали ее в уныние, ее любовь к искусству доминировала над воздействием подобных человеческих метаморфоз, музыка была ее стихией, и мир мелодий не позволял ей впасть в пессимизм, замыкаться в себе, ожесточаться на жизнь.

Когда я приступил к работе в Обществе «Вэтэн», мы стали видеться с Гюларой ханум чаще; она была одной из активных участниц наших мероприятий.

В 1990 году я с Бахтияром Вагабзаде по приглашению зарубежных соотечественников отправились в Швецию с целью проведения собраний, встреч с представителями печати и подробного информирования зарубежной публики в связи с карабахской проблемой и ситуацией в Азербайджане. В ходе этой поездки мы вновь наглядно убедились, в сетях какой изощренно и вероломно подстроенной информационной блокады мы пребываем; армянскому лобби удалось создать в Европе, в том числе и в Швеции, уродливое, искаженное представление о нас. И на Бахтияр муаллима, и на меня глазели – тарацились так, будто выискивали-высматривали, где же у нас припрятаны кинжалы, пистолеты?..

Когда же я пришел к решению, несмотря на материальные трудности, отправить в Швецию творческий коллектив, который мог бы достойно и высокопрофессионально представить древнюю и богатую культуру нашего народа; по возвращении в Баку я обратился к Гюларе ханум.

В феврале 1991 года под руководством заместителя председателя нашего Общества Акрама Мамедова в Швецию отправился в качестве официального представителя «Вэтэна» ансамбль «Дан улдузу» - вместе с Флорой Керимовой и Ялчином Рзазаде; концерты в больших залах Стокгольма, Мальмё, Гётеборга прошли с аншлагом.

Как писала шведская пресса и с гордостью сообщали наши соотечественники, виртуозное исполнительство Гюлары ханум, умелое управление ею ансамблем, мастерство исполнителей и сценическая культура, богатое художественно-эстетическое содержание исполняемых произведений покорили шведских слушателей и зрителей; и в прорыве информационной блокады в этой стране, в создании объективного представления о нашей родине, о происходящих драматических событиях серьезную роль сыграли эти концерты и, конкретно, сама Гюлара ханум.

Акрам Мамедов вспоминает те дни:

- Гюлара ханум к той поездке запаслась специально изготовленным настольным флагом Азербайджана. В Швеции при каждом выходе на сцену флажок водружался ею на рояль...

Ныне этот жест, возможно, покажется несколько неординарным, однако в 1991 году, на фоне происходящих в Азербайджане потрясений это было изъяснением идущего из глубины сердца чувства, морального долга...

Летом того же 1991 года Гюнай и Нурка-Нурида окончили школу имени Бюль-Бюля, состоялся прекрасный выпускной вечер, где и нам, родителям, довелось поучаствовать. Затем Гюнай подала документы в Медуниверситет, а Нурка – в Консерваторию, и в один из тех дней неожиданная и жуткая весть потрясла весь Баку: в результате нелепой, трагической случайности погибли Гюлара ханум, Нурида и Минара – талантливая молодая виолончелистка «Дан улдузу», - провожая супруга, культуролога Адила Адилова, отправлявшегося на лечение в московскую клинику, Гюлара ханум, как принято по обычаю при проводах, вместе с

Нуркой и находившейся у них Минирой выходит на балкон, чтобы плеснуть воду вслед уезжающему мужу... и... старый, ветхий балкон, не выдержав тяжести, рушится...

Так трагически завершилась их миссия на этой земле.

Конечно, все человеческие утраты невозможны.

Но есть среди тяжких утрат и такие, за которыми, вольно или невольно, видится ненасытная в своей жестокости десница рока, которая, не довольствуясь одной жертвой, не щадит и другую.

Рок не пощадил ни Гюлару, ни ее Нурку.

Пишу эти слова, и в памяти всплывает трагедия, произошедшая ровно одиннадцатью годами раньше – холодным февральским днем 1980 года, - и вновь переживаю боль и горечь той трагедии: в тот февральский день мы провожали в последний путь нашего незабвенного поэта Алиагу Кюрчайлы и ее юную, умную, любящую дочь Улькер...

И вот уже около двадцати лет, как и Гюлара ханум, и Нурка пребывают вместе в заоблачных мирах, но память о них остается неувядающей, немеркнувшей, волнующей как и мелодии, которые источали из души фортепиано чуткие и крылатые руки Гюлары ханум...

ЭЛЬЧИН Народный писатель

Человек, несущий добрые вести

(Несколько слов о незабвенном Фахрадине Джавадове)

По просьбе сына Фахрадина Джавадова, молодого дипломата Гюльмирзы (нареченного именем деда) я взялся за эти заметки и прошел за письменный стол. В памяти всплыл уже ушедший в восьмилетнюю давность день – 10 августа 2002 года, день, когда во втором часу завершал мой мобильник, и голос Фахрадина сообщил мне прекрасную новость:

- Поздравляем вас! У вас родился внук!

Дело в том, что моя средняя дочь Умай впервые готовилась стать матерью, и, как всегда при возникновении проблем, связанных со здоровьем, я и на сей раз обратился к Фахрадину; Умай лежала в больнице Нефтяников под его особым призором и заботой.

И так, появился на свет маленький человечек, и мы нарекли его именем Ильяса Эфендиева.

Конечно, не случайно при вопросах, связанных со здоровьем, я немедленно сносился с Фахрадином. Нас связывали добрые, взаимоуважительные отношения; а самое главное, что Фахрадин был в равной степени надежен и как личность, и как врач, был опытным и энергичным организатором здравоохранения, и я хорошо знал эти его качества.

Наше знакомство с ним началось с середины семидесятых годов; помню, что нас познакомил наш выдающийся стоматолог Кямран Асланов: нас обоих зубная боль привела к Кямрану, в 4-ю стоматологическую поликлинику, куда он был назначен главврачом. Фахрадин с Кямраном были близкими друзьями; а мы с Кямраном в теперь далеком, как эпоха динозавров, в 1950 году, 1 сентября сидели за одной партой в первом классе школы № 7...

В середине 70-х годов Фахрадин был молодым, симпатичным, пышущим здоровьем парнем, и должен заметить, что смолоду его отличала солидность поведения, - не напускная, не показушная, а естественная; он был живой, энергичной натурой, интересным, эрудированным собеседником.

Впоследствии при встречах я, бывало, говорил: «Фахрадин, нас сдружила зубная боль!»

С первого знакомства между нами сложились искренние отношения; не могу сказать, что мы часто виделись, созванивались, но когда бы мы ни встречались, на каком бы радостном или печальном торжестве ни сходились, - эти встречи создавали волну теплой и доброй ауры.

Добрым воспоминанием осталась и спонтанно устроенная компания; у меня разболелся зуб, я, как всегда, отправился к Кямрану, и там застал

Фахраддина. Когда прекрасный и чуткий специалист, врач-стоматолог Сабир Аскеров (позднее он неожиданно скончался во время утренней пробежки на стадионе), - уладил дело с моим зубом, я спросил:

- А не будет больше болеть?

- Пойдем, проверим! – подхватил Кямран, наблюдавший за всем этим стоматологическим процессом.

И пригласил нас на обед.

В ту пору на Шиховской стороне, у самого моря открылась новая шашлычная, и Кямран повел нас туда, настраивая на рыбные угощения. Если не ошибаюсь, тогда мы впервые с Фахраддином оказались за одним столом, и у меня до сих пор в памяти застольная культура, аккуратность, теплота и смак разговоров Фахраддина в той доверительной компании.

Помнится и то, что сорвался шквальным ветер, и по окончании застолья нам пришлось с трудом добираться до машин, преодолевая неистовые натиски ветра.

Пишу эти строки, и мне вдруг кажется, что много позднее налетевшие вот такие же лихие ветры унесли Фахраддина в мир иной...

В 1980 году Фахраддина пригласили на работу в ЦК КП Азербайджана, - тогда наш ЦК, как во всех советских республиках, был верховным вершителем власти.

Я знаю немало людей, которые были доступными, простыми, добрыми согражданами, но как только дошли до высоких постов, совершенно преобразились, и эта трагикомическая метаморфоза, по сути, их обрекла на исчезновение как личностей. Но, как говорится, на всякий тезис есть антитезис, каждая особенность имеет и свою противоположность, - Фахраддин работая в ЦК, кажется, стал еще заботливее, добрее, обходительнее.

Был у меня друг-тракторист Сади Азизов из уджарского села Боят; мы с ним познакомились в октябре 1976 года, возвращаясь поездом из Москвы в Баку; я, новоизбранный секретарь писательского союза – с пленума СП СССР, посвященного проблемам критики, а Сади-киши, продав в Барнауле взращенный праведным трудом в своем приусадебном участке урожай граната, прибыл в Москву и, за неимением билетов в другие вагоны, купил билет в СВ и стал по счастливой случайности моим соседом по купе. «Счастливой» - потому, что после того купейного соседства – мы дружили с этим мудрым и простым тружеником ровно тридцать два года – до его кончины в 2008 году; - личная приязнь переросла в семейную дружбу и, Сади-киши был желанным гостем в нашем доме.

В 80-х годах Сади-киши впервые пожаловался на сердце; я позвонил Фахраддину; и тогда, и позднее Фахраддин по моей просьбе приложил много трудов по обследованию и лечению Сади-киши; благодаря чему удалось продлить его жизнь.

Сади-киши не без наивной гордости говорил мне: «Муаллим, меня лечат, как большую персону». «Большой персоной» Сади-киши ощутил себя заботами и вниманием Фахраддина.

Немало подобных просьб было у меня к Фахраддину – по поводу здоровья и лечения моих знакомых, писателей...

Вспоминается маленький эпизод.

Заболел мой двоюродный брат Октай Гаджиев, полвека жизни посвятивший преподаванию математики в средней школе. Поместили его в больницу Нефтяников. Я созвонился с Фахраддином, чтобы узнать о состоянии больного.

– Я впервые встречаюсь с таким больным... - посетовал Фахраддин. Признаться, я обеспокоился.

- А в чем дело?

Он со смехом:

- Этот Октай муаллим сперва прочитывает инструкции по применению препаратов, инъекций, потом сам растолковывает врачам, как делать уколы, когда давать таблетки.

Меня тоже разобрал смех, - Фахраддин точно уловил черту, характерную для моего пунктуального математика...

Обстоятельства сложились так, что 1 сентября 1993 года я был назначен первым вице-премьером правительства, а Фахраддин работал первым замом министра здравоохранения, позднее исполнял обязанности министра; за то время нашего сотрудничества я еще поближе узнал Фахраддина, его умение, опыт, деловитость, ответственность за вверенную миссию не покидали его.

В те годы здравоохранение, как почти все другие отрасли, переживало критические испытания, были большие проблемы – от дефицита медицинского обеспечения до раздора и произвола, и в возрождении национального здравоохранения на том этапе становления нашего суверенитета, в повышении качественных показателей медобслуживания, в налаживании отношений с международными отношениями, и, в целом, в области процесса международной интеграции немалую роль сыграли энергия, труд, инициативность Фахраддина Джавадова.

Тогда одна из серьезнейших проблем была связана с организацией медицинского обслуживания беженцев, раненым в боях за Карабах, инвалидам войны и вообще, увечным согражданам, обеспечением их медикаментами, и на этом поприще Фахраддин работал с истинной самоотверженностью. В тягчайший период карабахских сражений он возглавлял Республиканский Военно-медицинский штаб, и создание полевых госпиталей в прифронтовой зоне осуществлялось при его непосредственном контроле и по его указанию.

В те годы, как председатель и член комиссий, создававшихся в связи с гуманитарной помощью, он выполнял огромную работу, и порой мы вместе с ним засиживались допоздна, решая неотложные вопросы; я стремился с помощью контактов с соответствующими зарубежными ведомствами утрясти проблемы, поднятые Фахраддином. Считаю долгом отметить и то, что в подобных чрезвычайных ситуациях я зачастую обращался по телефону к первому вице-премьеру Турции Мураду Гараялчину, и оказывал нам возможное содействие.

Теперь, по прошествии стольких лет, при воспоминании о тех напряженных временах, кажется, тогдашняя деятельность Фахраддина предстает в еще большем размахе, и я не сомневаюсь, что ощущение этой масштабности со временем будет возрастать, ибо речь идет о днях, когда творилась история нашей возрожденной Независимости.

Именно в те грозные дни в нашей стране – впервые в постсоветском пространстве – был создан Медицинский Центр по Чрезвычайным Ситуациям, и в это дело Фахраддин внес большой труд.

Позднее он работал Главным врачом в больнице Нефтяников и за короткое время превратил эту клинику в один из ведущих очагов медицины, создал там и Ученый Совет.

Фахраддин – как организатор медицины (и как патриот) проявил серьезные и эффективные заслуги в развитии трансплантации сердца, почек, печени в Азербайджане, применения аппарата искусственного сердца. Он был человеком аккуратным, дисциплинированным, умел создать атмосферу порядка слаженности там, где трудился.

Тому назад несколько лет я во время обеденного перерыва решил навестить (без предварительного уговора) друга, лечившегося в больнице Нефтяников; и дежурный врач кардиологического отделения не пропустил меня к больному:

- Эльчин муаллим, посещения больных разрешены только от 17 до 20 часов вечера.

Признаться, мне такая дисциплинарная неукоснительность пришлась настолько по душе, что, никому не говоря ни слова, не сказавшись и самому Фахраддину, я вернулся обратно...

В последний раз мы свиделись с ним в Загульбе, он был со сватом и другом своим Этибаром; посидели втроем за столом, поговорили по душам, общение было теплым и добрым, и кому тогда могло придти в голову, что это моя последняя встреча с Фахраддином?..

Погодя я отправился в Турцию, и там меня застигла невероятная весть: Фахраддин Джавадов скончался... Я не ведал, что у него больное сердце, - об этом узнал впоследствии.

В Баку Кямран с глубокой горечью сказал:

- Не заботился о себе...

«Но берег здоровье других» - подумалось мне.

Эти заметки я начал 10 августа 2002 года.

А теперь вспоминаю 10 августа 2005 года. В тот день нашему маленькому Ильясу исполнялось три годика, и вечером мы устроили прекрасный семейный меджлис, отметили эту дату.

Умай во второй раз готовилась стать матерью, и вскоре после начала застолья почувствовала себя неважно. Я подумал: пусть, хотя бы в спешном порядке, она пройдет врачебное обследование, и после вернется домой; я набрал номер телефона Фахраддина, звонки не доходили, наконец, дозвонился, выяснилось, он находится не в больнице.

- Пусть обязательно едет к «Нефтяникам».

Умай с сопровождающими машинами поехала в больницу.

Ждем, а Умай не возвращается, я забеспокоился. Телефон дочери не отвечал. И, как на грех, не мог пробиться и по телефону Фахраддина.

Прошли томительные минуты.

От Умай – нет вестей.

И телефон Фахраддина – недосягаем.

Решили махнуть в клинику.

И тут звонок.

Голос Фахраддина:

- Поздравляем вас с появлением внучки.

Таким образом, ныне пятилетняя Бану Чичек родилась на свет в один и тот же день с братом своим Ильясом – 10 августа...

Кажется, и голос Фахраддина, и личность были предназначены, чтобы сообщать людям только хорошие вести.